

КРИЗИС СИСТЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Т.Г. Леонова

кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей им. Н.Н. Ливенцева, старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью МГИМО МИД России, Москва, Россия
e-mail: t.leonova@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-2827-0646

Аннотация. Статья посвящена онтологическому анализу понятийных и системно-концептуальных аспектов, а также политико-институциональных проблем глобального управления, которые в совокупности создают предпосылки кризиса системы, и наряду с этим, формируют основы для ее трансформации и совершенствования. Автор обращает особое внимание на важнейшую функцию глобального управления как процесса формирования консенсуса между его участниками для выработки подходов и путей совместного взаимоприемлемого решения глобальных или региональных проблем, которые выходят за рамки национальных границ и требуют коллективных усилий для их разрешения. В статье анализируется роль международного бизнеса в современных глобальных процессах, активизация его социальной, благотворительной деятельности, рост политической активности и новые тенденции международных потоков капитала. При этом отмечается, что, несмотря на определяющую экономическую и растущую политическую роль международного бизнеса в глобальной повестке, в настоящее время отсутствуют достаточные основания для утверждения, что он стал полноценным субъектом глобального управления наряду с суверенными государствами. На основе анализа современного кризиса системы глобального управления на фоне тектонических изменений в мировой политике автор делает вывод о том, что активный процесс включения в качестве субъектов и партнеров глобального управления новых игроков – бизнеса, гражданского общества, международных неправительственных некоммерческих структур – ведет к созданию более гибкой, полисубъектной и менее иерархичной системы глобального управления.

Ключевые слова: глобальное управление, глобализация, глобализм, международные организации и институты, международный бизнес.

Поступила в редакцию: 02.12.2024
Принята к публикации: 20.01.2025

УДК 338.24
DOI: 10.24833/2949-639X-2025-1-11-34-52

Введение

*“Calling things by the wrong name adds to the affliction of the world”,
Albert Camus¹.*

С началом эпохи глобализации термин «глобальное управление» стал активно использоваться в академическом дискурсе и в официальном нарративе политиков и дипломатов для определения одной из актуальных тем исследования мировой политики и характеристики одного из важнейших мировых политических процессов. Изучение проблем глобального управления находится на пересечении научных интересов исследователей мировой политики, международных отношений и международного права. При этом глобальное управление представляет собой актуальную мировую практику взаимодействия международных субъектов, которая зачастую оказывается намного сложнее, богаче и противоречивее тех теорий и концептов, в рамки которых ее пытаются заключить [7].

Поэтому логические рамки исследования подобного многосложного феномена предполагают двуединый подход – научно-методический, направленный на анализ терминов, концепций и скрывающихся за ними сущностей и смыслов, и прикладной, политико-правовой, обобщающий реальную практику функционирования и правовые механизмы глобального управления. Настоящая статья представляет собой попытку обобщения актуального академического и политологического дискурса по данным проблемам с целью анализа и выявления глубинных сущностных причин современного кризиса системы глобального управления.

Актуальность исследования определяется теми сложными геополитическими процессами, которые происходят в современном мире, а именно сломом старой системы мироустройства и формированием нового миропорядка, который неизбежно выдвигает на передний план новых геополитических акторов, предлагает новые «правила игры» и приводит к перераспределению сил на глобальной политической и экономической карте мира [2; 10]. По сути, происходящие в наши дни трансформационные процессы в мировой политике, экономике и социальной сфере, сопровождающиеся прорывным развитием информационно-коммуникационных технологий и моделей искусственного интеллекта, представляют собой типичную картину шumpетерианского «созидательного разрушения» (“creative destruction”) в глобальном масштабе, при котором старые политические, экономические и социальные установки и парадигмы разрушаются, давая дорогу новым инновационным подходам во всех сферах человеческой жизни. Понимание глубинных кризисных процессов в современном глобальном управлении

¹ «... вся беда людей происходит оттого, что они не умеют пользоваться ясным языком». Альбер Камю, «Чума», 1947 г.

представляется важным не только для политологов, но и для представителей корпоративного сектора и международного бизнеса для оценки открывающихся на фоне кризиса новых возможностей, стратегических перспектив и эффективного стратегического планирования развития компаний.

Исследование

Глобальное управление: что в слове, что за словом?

Несмотря на широкое употребление и живой интерес со стороны политиков, ученых и экспертов, в мире до сих пор не сформировалось устойчивое и однозначное понимание термина «глобальное управление» (“global governance”) ни в англоязычном академическом дискурсе, откуда и берет начало сам термин, ни в современных русскоязычных исследованиях. Прежде чем давать определение самому термину, необходимо уточнить смысл слов, его составляющих, начиная с оригинальной англоязычной трактовки, а затем разбираться в нюансах их перевода и смыслового наполнения.

Глобализация – глобализм – глобальное управление. Термин «глобальный», как транслитерация английского “global”, по сути, является синонимичным слову «всемирный», то есть распространяющийся на весь мир. В современном политологическом и экономическом дискурсе этот термин начал использоваться с середины 70-х гг. XX века с первыми признаками наступления эпохи глобализации – то есть активных процессов роста межграницных потоков товаров, услуг, капитала, рабочей силы и, как следствие, усиления взаимозависимости и взаимодействия стран, народов, бизнеса в финансовой, экономической, культурной и социальной сферах.

Глобализация началась и развивалась как объективный естественный процесс, обусловленный научно-техническим прогрессом, развитием торгово-экономических связей, международным разделением труда и общей эволюцией человечества. По мере развития процессов глобализации появился и новый феномен мировой политики, обозначаемый термином «глобализм». В отличие от глобализации как естественного процесса, глобализм представляет собой абсолютно рукотворное явление, основанное на осознании национальными элитами мирового пространства как единого целого и создании институтов (инструментов) глобального управления «сверху-вниз».

Одной из ранних манифестаций глобализма стали рекомендации Римского клуба по созданию гуманистического общества на основе глобальной системы международных институтов, нацеленных на перераспределение ресурсов, инвестиций и технологий между развитыми и развивающимися странами для решения глобальных экономических, энергетических и экологических проблем, предложенные в докладе 1976 г. «Пересмотр международного порядка». По сути, основа современной системы глобального управления через международные институты была заложена еще в середине 40-х гг. XX века сразу после

Второй мировой войны посредством создания Организации Объединенных Наций (ООН), Бреттон-Вудских международных финансовых институтов, однако термин «глобальный» тогда еще не вошел в оборот. Интересно, что один из двух основных международных финансовых институтов развития, Международный банк реконструкции и развития (МБРР), учрежденный на Бреттон-Вудской конференции в 1944 г., дополнил свое название зонтичным «Всемирный банк» только в 1975 г. для отражения глобальности мандата по искоренению бедности в мире и сопоставимого с ООН числа стран-участниц.

В целом можно заключить, что терминологически сущность «глобального управления» в контексте анализа термина «глобальный» отражает нацеленность на все мироустройство и на поиски решений проблем, которые являются важными для всего человечества.

Гораздо более сложной в трактовке и неочевидной для перевода на русский и другие языки мира, но при этом ключевой для понимания глубинных принципов и подходов, является вторая, сущностная составляющая термина “global governance”. С английского на русский слово “governance” традиционно переводится как «управление», в то время как в английском оригинале оно имеет гораздо более широкий смысл и именно поэтому стало употребляться носителями английского языка в данной связке как “global governance” вместо “global management”, что в русском переводе также звучит как глобальное управление. В английском языке различие между “governance” и “management” более чем существенное. В первом случае под «управлением» (governance) подразумевается влияние, основанное на облеченности властью, общий надзор и наблюдение, руководство, разработка стратегических рекомендаций и общих правил игры. Во втором случае «управление» (“management”), или в транслитерации на русский просто менеджмент, представляет собой область управленческой деятельности, направленную на операционный контроль и руководство конкретными проектами и программами, для обеспечения их эффективного и своевременного выполнения.

Почему важно делать акцент на данном различии? Потому что на основе анализа различных определений и интерпретаций одного, но важного термина, такого как в нашем случае «governance», можно выявить системные проблемы глобального управления, которые и приводят к его кризису. Так, еще в 1992 г. один из отцов-основателей термина «глобальное управление» Джеймс Розенау в своей работе “Governance without Government: Order and Change in World Politics” задавался вопросами обеспечения эффективности глобальных институтов управления в отсутствии правовых полномочий, наделяющих их правом требовать исполнения принимаемых решений. За любым национальным правительством стоит реальная легально закрепленная государственная власть, наделяющая его правом требовать исполнения принимаемых решений. В случае неисполнения этих решений законодательно предусмотрены правовые меры реагирования – система законов, правовых норм и актов, включая принуждение и наказание.

В то же время в мировой политике в отсутствие глобального правительства (“global government”) осуществление функций глобального управления (“global governance”) неизбежно ограничено поиском взаимоприемлемых решений, которые страны были бы готовы исполнять добровольно и без принуждения. Глобальному управлению таким образом отводится объединяющая и координирующая роль, нацеленность на выработку рекомендаций, распространение лучших практик и техническое содействие.

Однако в последнее десятилетие XXI века отдельные страны мира начали активно экспортировать и экстраполировать свои «правила» и ценности, включая «экспорт демократии», принципы инклюзивности и гендерного разнообразия, на остальной мир – как непосредственно, так и через подконтрольные им международные институты глобального управления. Таким образом, делается попытка подменить глобальное управление глобальным менеджментом, что неизбежно приводит к кризису всей системы глобального мироустройства и нарушает основные принципы многосторонности как практики совместной работы государств над проблемами, имеющими глобальный характер и требующими совместных скоординированных усилий.

Подобная вольная интерпретация и подмена понятий в концепции глобального управления была во многом определена правилами игры, установившимися в рамках однополярного мира, или, как этот период еще называют, «однополярного момента», на фоне глобализации, окончания холодной войны и распада СССР, когда в мире утвердилась одна сверхдержава в качестве мирового лидера, «благожелательного гегемона», ответственного за весь мировой порядок. Появился «порядок, основанный на правилах». Согласно Новому дипломатическому словарю, «мировой порядок, основанный на правилах» (“rules-based international order”) включает как традиционные нормы международного права, так и то, что обычно называют «мягким правом» – юридически необязывающие политические договоренности². По мнению А. Левченко, в американской интеллектуальной традиции «порядок, основанный на правилах» является синонимом «либерального миропорядка» со всеми его идейно-политическими постулатами³. Начиная с 1992 г., с установлением однополярности, активные усилия «благожелательного гегемона» по распространению и внедрению данной идеологии через систему международных институтов в жизнь остальных народов мира как единственно верной парадигмы развития и процветания ознаменовало, по сути, подмену концепта глобального управления практикой прямого глобального менеджмента, направленного на эффективную реализацию поставленной задачи

² Мировой порядок, основанный на правилах. Новый дипломатический словарь. URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary/> (дата обращения: 02.12.2024).

³ «Rules-based international order»: правила «либерального» тона. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rules-based-international-order-pravila-liberalnogo-tona/> (дата обращения: 02.12.2024).

распространения демократии и либеральных ценностей по всему миру. Данная манипуляция с подменой понятий в свою пользу в итоге ввергла всю систему глобального управления в глубокий кризис легитимности, продолжающийся по сей день.

Глобальное управление: слова и смыслы

Как уже отмечалось, в англо- и русскоязычной научной литературе существует множество развернутых определений глобального управления, акцентирующих различные аспекты этого сложного феномена мировой политики. Одно устойчивого определения на сегодняшний день так и не сложилось.

Так, российские ученые А.Р. Борисова, Ф.Г. Войтловский, В.Ю. Журавлева в рамках сравнительного анализа российского и американского подходов к проблемам глобального управления и реформированию ООН предложили свое определение, в котором под глобальным управлением понимается «формирующаяся на межгосударственном и транснациональном уровнях многоуровневая система институтов, принципов и норм международного и наднационального регулирования взаимодействий государств, а также негосударственных экономических и международно-политических субъектов, чьи сферы и пространства деятельности имеют глобальное социально-политическое измерение» [3]. В таком же регуляторно-правовом ключе, но с иным пониманием субъектов и в динамическом ракурсе дает определение глобальному управлению М. Харкевич, представляя его как «взаимодействие государств, бизнеса и гражданского общества, а также производных от них международных организаций и институтов по выработке формальных и неформальных норм и правил, направленных на регулирование транснациональных вопросов и координирование совместных усилий по их решению в иерархическом, сетевом и рыночном форматах»⁴.

Популярное в англоязычном академическом дискурсе и часто цитируемое определение глобального управления было сформулировано одним из его непосредственных воплощений – Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) – в версии словаря терминов от 2015 г.⁵ Согласно этому определению, глобальное управление представляет собой международный процесс формирования консенсуса, в рамках которого вырабатываются руководящие принципы и соглашения, которые затем оказывают влияние на все субъекты международного политического процесса (национальные государства, международные организации, международные неправительственные структуры, включая НПО и международные корпорации).

⁴ Глобальное управление в эпоху обострения конкуренции между великими державами. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnoe-upravlenie-v-epokhu-obostreniya-konkurent-sii-mezhdu-velikimi-derzhavami/> (дата обращения: 02.12.2024).

⁵ Интересно, что в новой версии словаря терминов ВОЗ от 2021 г. определение глобального управления удалено из списка.

Консенсус – это абсолютно ключевое слово в понимании сущности глобального управления и базового целеполагания для функционирования его многосторонних институтов. По сути, в более широком понимании, глобальное управление представляет собой процесс международной организации, результатом которого является создание многоуровневой системы норм, принципов, институтов и организаций регулирования, признаваемых всеми участниками процесса в рамках международного права. Целью глобального управления является поиск путей и совместное взаимоприемлемое решение глобальных или региональных проблем, которые выходят за рамки национальных границ и требуют коллективных усилий для их разрешения. Как только международные институты и организации отходят от главного принципа – поиска консенсуса – и начинают обслуживать интересы наиболее сильных и влиятельных участников, они становятся инструментами глобального менеджмента, и вся система глобального управления ввергается в кризис.

Глобальное управление: субъекты и «национальный эгоизм»

Вопрос о соотношении полномочий между государствами и многосторонними структурами, а также механизмы обеспечения принимаемых этими структурами решений (compliance and enforcement) остаются наиболее проблемными и до настоящего времени далекими от разрешения. Это непосредственным образом связано с проблемой нечеткой определенности субъектов глобального управления, на которую справедливо обращают внимание в своей работе А.Р. Борисова и др. [3]. Кто есть субъекты глобального управления? Те, кто действительно осуществляет функции управления (управляют), – многосторонние структуры, созданные государствами и иными признанными субъектами международного права, или собственно суверенные государства и субъекты международного права, действующие через эти многосторонние структуры, которые они сами создали и сами финансируют? Ответ на данный вопрос заключен в определении и в реальном воплощении принципа национального суверенитета государств как основных субъектов международного права со времен Вестфальского мира.

Любые международные, многонациональные, многосторонние, (international, multinational, multilateral) институты и организации, созданные суверенными государствами для совместного решения проблем, выходящих за границы возможностей их самостоятельного разрешения, начиная с Организации Объединенных Наций и заканчивая Парижским соглашением по климату, в международно-правовой и политической парадигме Вестфаля должны действовать исключительно в интересах этих государств. Соответственно, любые решения, принимаемые данными организациями, являются для суверенных государств-членов, по сути, рекомендательными, так как каждое государство, посчитавшее, что участие в той или иной международной структуре не соответствует

его национальным интересам или ущемляет его суверенитет, может эти решения не выполнять или вовсе выйти из данной организации. Примеров тому в современной истории достаточно: начиная с массового несоблюдения принципов свободной торговли, принятых на себя странами в рамках членства во Всемирной торговой организации (ВТО), если эти принципы противоречат их национальным интересам по развитию тех или иных отраслей экономики, и заканчивая двукратным выходом США из ЮНЕСКО и их же скандальным выходом из Парижского соглашения по климату с последующим возвращением.

В современном мире некоторые многосторонние структуры глобального управления пытаются играть роль непосредственных его субъектов и напрямую диктовать странам, что делать и как себя вести, игнорируя факт того, что они созданы для формирования консенсуса по проблемным вопросам, а не для непосредственного руководства жизнью и деятельностью своих создателей. Даже средневековые философы-идеалисты (аббат де Сен-Пьер, герцог Сюлли, Иммануил Кант, Жан-Жак Руссо и др.), предлагавшие создать своеобразную «международную конфедерацию государств» для достижения «вечного мира», понимали, что реализация их идей невозможна на практике из-за «национального эгоизма» государств, призванных войти в это объединение.

То, что Кант и его сторонники называли «национальным эгоизмом», сегодня принято политкорректно именовать национальными интересами. Необходимо отметить, что в наши дни существует одно уникальное региональное международное образование, которое осуществляет функции прямого наднационального управления, – это Европейский союз (ЕС). Государства-члены ЕС добровольно передали наднациональным органам законодательной и исполнительной власти право принимать решения, обязательные к исполнению как странами-членами, так и всеми гражданами этих государств. За период своего чуть более чем тридцатилетнего существования количество стран-членов ЕС увеличилось почти в пять раз. При этом Великобритания не смогла смириться с частичной потерей суверенитета и принятием решений, касающихся ее внутреннего развития, Великобритании наднациональной бюрократией, и в результате референдума покинула объединение. ЕС, как единственное наднациональное образование, по сути, представляет собой исключительный, реализованный на региональном уровне, случай в практике глобального управления, который подтверждает основной вывод о том, что глобальное управление как международный конструкт изначально заключает в себе имманентное противоречие между общими (глобальными или региональными) вызовами, на которые человечество может отвечать только совместно, и национальными интересами стран. Это объясняет его исходную сущностную противоречивость и высокий кризисный потенциал.

Современная система глобального управления: тернистый старт или фальстарт?

Согласно Большой российской энциклопедии, система – это «совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которые образуют определенную целостность, единство»⁶. Изначально в 1945 г. система глобального управления была задумана и относительно долгое время функционировала как иерархичная – с ООН во главе и пятью «великими державами» как постоянными членами в Совете Безопасности ООН с правом вето и со специализированными агентствами ООН, такими как Международный валютный фонд (МВФ), Группа Всемирного банка, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Международная организация труда (МОТ), Всемирная метеорологическая организация (ВМО), Международная организация гражданской авиации (ИКАО) и др. Система глобального управления представляла собой так называемую «ооноцентричную» взаимосвязанную многоуровневую структуру организаций, институтов, норм и принципов. Державы-победители во Второй мировой войне, достигшие мира ценой неизмеримых жертв и страданий народов мира, объединили усилия и создали почти идеальную модель той самой «всеобщей конфедерации человечества», которая была призвана опираться на суверенное равенство всех государств и уважение прав и свобод всех народов мира. В отличие от неудачной предвоенной попытки с созданием Лиги Наций, в системе ООН был предусмотрен принцип обязательности исполнения решений Совета Безопасности странами-членами и определены меры обеспечения исполнения этих решений.

Однако послевоенные мировые политические процессы повлияли на эффективность функционирования этой системы. Практически сразу в 1946 г. Фултонская речь Уинстона Черчилля положила конец недолгой мировой политической гармонии и была сигналом для начала холодной войны. Так, в 1946 г. возник биполярный мир, разделенный на основе идеологических расхождений двух сверхдержав. Этот период характеризовался «дуализмом» в глобальном управлении и псевдомногосторонностью глобальных международных институтов⁷.

⁶ Система. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/sistema-4284c7> (дата обращения: 02.12.2024).

⁷ По обеим сторонам «железного занавеса» создавались свои международные институты обеспечения обороны и безопасности: НАТО в 1949 г., СЕНТО в 1955, СЕАТО в 1956, с одной стороны, и Организация Варшавского договора в 1955 – с другой; многосторонние институты и банки развития: Международный банк реконструкции и развития и МВФ в 1944 г., Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) в 1957 г. и параллельно – Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) в 1949 г. и Международный банк экономического сотрудничества в 1963 г. для стран социалистического лагеря.

Поэтому, отвечая на вопрос, когда же начался кризис системы глобального управления, напрашивается вывод, что изначально, в силу сущностных противоречий в самой концепции, а также в связи с идеологическими противоречиями ведущих акторов международных отношений, система была обречена на кризис. В связи с общим геополитическим противостоянием Совет Безопасности оказался практически парализованным из-за разделенности позиций его постоянных членов и основная его роль по обеспечению всеобщего мира и безопасности оказалась на практике резко ограниченной.

Иллюзорная гармония «однополярного момента в системе глобального управления» возникла в начале 90-х гг. XX века на фоне окончания холодной войны, распада СССР, когда все страны бывшего социалистического блока восприняли ценности рыночной экономики и демократии, присоединились к основным глобальным институтам финансово-экономического управления и приняли принципы Вашингтонского консенсуса по переходу к рыночной экономике. Однако эта иллюзия быстро развеялась. Уже в 1993 г. Самюэль Хантингтон в своей работе «Столкновение цивилизаций» раскритиковал концепцию Френсиса Фукуямы о конце истории, которая постулировала, что конец холодной войны означал конец широкомасштабного конфликта в глобальной политике и возникновение одного относительно гармоничного мира. По мнению Хантингтона, парадигма гармоничного мира слишком оторвана от реальности, чтобы быть полезным ориентиром в мире после холодной войны [9]. При этом «однополярный момент» продлился как минимум до 2007 г., когда Президент России В.В. Путин произнес знаменитую Мюнхенскую речь на конференции по безопасности, в которой он подверг критике однополярную модель мироустройства, указав на важность соблюдения принципов устава ООН как основополагающего международно-правового документа, определяющего легитимные действия стран в рамках обеспечения своей безопасности.

Современная система глобального управления: гибкость и многообразие

С началом XXI века система глобального управления усложняется за счет появления новых региональных и межрегиональных организаций и институтов, а также международных форумов с более мягкой системой членства (так называемой горизонтальной, сетевой структурой управления), и новых международных акторов – транснациональных компаний (ТНК) и глобального гражданского общества. Эти фундаментальные преобразования мирового политического пространства оказывают серьезное влияние на сущностные процессы, связанные с глобальным управлением.

Прежде всего, следует обратить внимание на расширение субъектной основы глобального управления. Появление и активизация новых международных акторов (стейкхолдеров) в лице международного бизнеса и негосударственных образований гражданского общества проявляются как в их растущей международной

активности, так и в их непосредственном включении в процесс международной организации, направленный на участие в разрешении глобальных проблем человечества.

Транснациональные компании активно занимаются решением вопросов глобальной экологической повестки, ведут социальную и благотворительную деятельность, помогают беднейшим странам в борьбе с нищетой, голодом и инфекционными заболеваниями, дополняя, а иногда и опережая в оперативности усилия традиционных международных организаций. Осуществляется такая деятельность, как правило, через корпоративные и индивидуальные благотворительные фонды. Корпоративные фонды занимаются реализацией программ корпоративной социальной ответственности (КСО), индивидуальные частные фонды (обычно названные в честь владельцев компаний) помогают научным и образовательным центрам, поддерживают инновации в сферах здравоохранения, экологии и информационно-коммуникационных технологий. При всей важности и благих намерениях при реализации подобных программ нельзя забывать целеполагающую аксиому частного бизнеса о том, что все действия компании и ее сотрудников должны быть подчинены основной цели – максимизации прибыли компании. В этом смысле и программы КСО, и индивидуальная благотворительность, и лоббирование разными способами интересов компании в органах государственной власти в конечном итоге представляют собой элементы продвижения компании на национальном и мировом рынках, повышения ее узнаваемости и социальной привлекательности в глазах потребителей, а соответственно – роста продаж и прибыли.

Основным же инструментом реального влияния ТНК на мировые экономические и политические процессы являются международные потоки частного капитала, прежде всего в виде прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Именно через прямые иностранные инвестиции ТНК могут оказывать воздействие как на экономическую динамику и политические процессы в принимающих странах, так и на экономическое и финансовое состояние страны основного базирования компании. Анализ основных трендов международного движения капитала за последнее десятилетие свидетельствует об изменении динамики и географии потоков иностранных инвестиций. Возросшие геополитические риски на фоне растущей конфликтности стран и регионов мира и усугубляющейся дисфункциональности основных институтов глобального управления стали основным фактором изменения объемов и направлений движения инвестиций [4; 5]. Согласно последним данным ЮНКТАД, общий объем потоков прямых иностранных инвестиций в мире снизился в 2024 г. по сравнению с предыдущим 2023 г. на 8%. При этом налицо существенные различия в динамике ПИИ по регионам мира. В развитых странах Европы сокращение объема потоков ПИИ за год составило рекордные 45%, в то время как в Северной Америке наблюдался их прирост на 13%. Из развивающихся регионов мира приток прямых иностранных

инвестиций в Африку показал беспрецедентный рост на 84%, достигнув объема в 94 млрд долл. США⁸. Такая география потоков ПИИ демонстрирует современные «распределенные» стратегии международного бизнеса и ведущих ТНК по управлению ресурсами. В период геополитической напряженности и происходящих трансформационных процессов в мировой политике и глобальном управлении стратегии базируются, с одной стороны, на геополитическом и географическом дистанцировании от политических и экономических зон риска для сохранения устойчивости глобальных цепочек добавленной стоимости путем направления инвестиций в «дружественные» (“friend-shoring”) или «соседние» (“near-shoring”) страны, как и происходило, по данным ЮНКТАД, в Европе и Северной Америке. С другой стороны, любой кризис и трансформация международных норм и правил игры открывает окно возможностей по активному освоению новых рынков, ресурсов и географических направлений. Именно грамотным стратегическим менеджментом со стороны международных инвесторов можно объяснить взрывной рост притока ПИИ в страны Африки. Пока еще только идет процесс становления нового миропорядка и вырабатываются новые правила игры, ведущие международные инвесторы во главе с США через свои международные компании активно осваивают рынки Африканского континента в жестком соперничестве с китайским бизнесом.

Последние научные исследования сфер и тенденций развития ТНК в современном мире показывают, что их деятельность уже не ограничивается только бизнес-интересами, но и сильно зависит от глобальной расстановки сил и геополитических процессов [6]. Однако вопрос о том, становятся ли ТНК полноценными субъектами глобального управления наряду с суверенными государствами как единственными легитимными акторами, остается в значительной степени дискуссионным.

Международные неправительственные организации (МНПО) также принимают все более активное участие в решении глобальных проблем как в сотрудничестве с традиционными многосторонними институтами, так и в качестве подрядчиков, нанятых этими институтами для реализации гуманитарных и экологических проектов и программ. В силу того, что источниками финансирования МНПО являются заинтересованные государственные и частные структуры, а также индивидуумы, признавая важную роль участия этой группы международных стейкхолдеров в решении проблем глобального развития, говорить о том, что они становятся полноценными субъектами глобального управления, не представляется возможным.

⁸ Global Investment Trends Monitor. UNCTAD. URL: <https://unctad.org/publication/global-investment-trends-monitor-no-48> (дата обращения 05.02.2025).

Существенно более разнообразной в последнее время становится организационная структура международных формирований. Расширяется спектр участников. Так, например, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), международная организация по экономическому сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе, представляет собой объединение двадцати одной экономики, а не стран, что позволило преодолеть противоречие, связанное с участием в данном объединении Тайваня как отдельной от китайской экономики. Несмотря на созыв ежегодных саммитов АТЭС с участием глав государств, эти саммиты являются неформальными, и основные функции по продвижению экономического сотрудничества осуществляют совместные профессиональные рабочие группы. Другим примером симбиотического членства является «Группа двадцати», в которую наряду с представителями стран входят и региональные международные объединения – ЕС и Африканский союз (АС). Другая старейшая международная организация – Международный телекоммуникационный союз (International Telecommunication Union) – включает в качестве членов почти все государства мира (193 государства), а также более тысячи университетов, научных центров и институтов из разных стран мира.

Такое многообразие стейкхолдеров в субъектной базе системы глобального управления позволяет сглаживать имманентное противоречие между глобальностью задач и национальными (суверенными) интересами участников международных институтов и дает шанс глобальному управлению соответствовать своему основному предназначению как международного конструкта, вырабатывающего консенсусный подход к решению глобальных проблем.

В правовом аспекте глобального управления также наблюдается стойкая тенденция смещения интереса от формальных, иерархических моделей управления, таких как учреждения системы ООН, с многосторонней, хорошо организованной бюрократией и высокой внутренней инерцией на фоне жестких обязательств ее членов, к сетевой (плоской, распределенной) схеме управления и появлению в конце XX века – начале XXI века новых неформальных многосторонних институтов с меньшим членским составом, более легкими (или почти полностью отсутствующими) юридическими обязательствами (мягкое право), меньшей бюрократией и большей опорой на гибкие добровольные подходы при отсутствии юридических обязательств. Наиболее заметными и привлекательными для новых членов являются такие объединения, как БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), «Группа двадцати», АТЭС. Новые группировки определяют свою повестку дня и при необходимости взаимодействуют с авторитетными официальными международными организациями в решении вопросов глобального управления, а иногда и берут на себя лидирующую роль [8]. Такие новые объединения могут играть каталитическую роль в формировании нового мирового порядка. Так, по мнению А.В. Картунова, БРИКС имеет возможности и амбиции

из клубно-коммуникационного формата превратиться в глобальную «лабораторию БРИКС», в которой могли бы на практике тестироваться новые подходы, концепции и форматы международного сотрудничества для выстраивания архитектуры будущего мирового порядка и новых алгоритмов глобального управления⁹.

Таким образом, в наши дни современное глобальное управление постепенно трансформируется в менее иерархичную сетевую структуру и одновременно представляет собой процесс, посредством которого согласовываются позиции и принимаются решения на фоне преодоления национального эгоизма государств и постепенной утраты ими роли эксклюзивного субъекта глобального управления. Новые международные акторы (стейкхолдеры), прежде всего бизнес и институты гражданского общества, пока еще не могут быть названы полноценными легитимными субъектами глобального управления. Они скорее являются партнерами, которые существенно влияют на геополитические процессы и занимают все более активную позицию в обсуждении международных проблем. Однако их легитимизация и определение законного места в новой системе глобального управления неизбежно будут определены.

Кризис современной системы глобального управления: выводы

Понятийные и системно-концептуальные проблемы глобального управления обусловлены размытостью понятийного аппарата, осознанной и неосознанной разнообразной трактовкой и зачастую фактической подменой понятий. Применительно к международной сфере попытки подменить (глобальное) управление (глобальным) менеджментом неизбежно приводят к кризису всей системы глобального мироустройства. Глобальное управление как международный конструкт и многосторонность как форма его реализации изначально заключают в себе имманентное противоречие между общими (глобальными / региональными) вызовами, на которые человечество может отвечать только совместно, и национальными интересами стран. Ключевым принципом для понимания сущности глобального управления и целеполагания для функционирования многосторонних институтов и форматов глобального управления должен быть процесс поиска и формирования консенсусных решений, которые учитывали бы национальные интересы и не попирали основополагающий принцип суверенного равенства государств. Вопросы субъектности в глобальном управлении на фоне пролиферации международных акторов создают проблемы как сущностного, так и политико-правового характера, осложняя эффективное реформирование системы.

⁹ БРИКС: от глобального клуба к глобальной лаборатории? РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/briks-ot-globalnogo-kluba-k-globalnoy-laboratorii/?sphrase_id=166456941 (дата обращения 02.02.2025).

Политико-институциональные проблемы и возникающие на их основе кризисные явления в глобальном управлении обусловлены тем, что с 2007 г. по настоящее время человечество переживает переходный период от однополярного мира к многополярному (полицентричности). Как и любой переходный период, он предполагает усиление кризисных явлений во всех сферах человеческой активности, включая мировую политику и глобальное управление [1]. Современный кризис системы глобального управления проявляется в следующих формах:

- кризис легитимности ведущих глобальных институтов, проявляющийся в неспособности справиться с мандатом ВОЗ в пандемию, дисфункциональностью ВТО и слабостью Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), а также в появлении альтернативных международных конструкторов, берущих на себя лидирующую роль в решении глобальных вопросов. Например, активизация «Группы двадцати» в решении финансово-экономических проблем на фоне неповоротливости и ангажированности Всемирного банка и МВФ, появление новых международных финансовых институтов для финансирования проектов развития – Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Нового банка развития (НБР) БРИКС в 2014 г.;

- фрагментация системы глобального управления, проявляющаяся в возрастающей роли региональных объединений и институтов – региональных банков развития, региональных интеграционных объединений, таких как ЕС, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Содружество Независимых Государств (СНГ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Лига арабских государств (ЛАГ), Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК);

- контринституализация, характеризующаяся отходом от создания громоздких формальных международных структур с большой бюрократией и появлением менее громоздких межгосударственных конструкторов, таких как «Группа двадцати», БРИКС, ШОС, АТЭС и других, знаменующая переход от ооноцентричной к распределенной сетевой модели глобального управления;

- пролиферация неправительственных акторов, подвергающих критике и дискредитирующих деятельность традиционных международных организаций и призывающих к их радикальному реформированию или передаче их полномочий международным некоммерческим неправительственным структурам;

Кризис системы глобального управления происходит на фоне кризиса современных международных отношений, который характеризуется:

- обострившимся противостоянием великих держав, всего объединенного Запада и Глобального Юга, формированием различных полюсов силы в разных частях мира и общим подъемом стран Глобального Юга;

- эскалацией политических и военных конфликтов в разных регионах мира;

- возрастающей ролью и амбициями негосударственных международных игроков в решении глобальных проблем – частного сектора и Международных неправительственных организаций (МНПО), при этом частные фонды начинают курировать вопросы социального обеспечения, здравоохранения, а МНПО проявляют активность и претензии на лидерство в рамках решения проблем экологии, прав человека, социального равенства и пр.;
- растущим популизмом национальных элит и органов власти на фоне фундаментальных изменений внутри национальных государств, которые все чаще управляются очень хрупкими и неустойчивыми политическими коалициями, крайне уязвимыми и болезненно реагирующими даже на незначительные колебания общественных настроений и предпочтений.

Заключение

В Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. постулируется, что мир переживает эпоху революционных перемен, в рамках которых происходит формирование более справедливого, многополярного мира. В этом мире система международных отношений должна быть многополярной, основанной на суверенном равенстве государств и главенствующей роли суверенных государств при принятии решений, касающихся мира и безопасности¹⁰. Формирующиеся контуры нового многополярного миропорядка со временем позволят создать систему глобального управления, отвечающую его принципам и задачам.

На сегодняшний день сложно предсказать, вернется ли система к ее изначальной иерархичности и ооноцентричности на базе фундаментального реформирования ООН или станет еще более плоской и сетевой с дальнейшим отходом от жесткой институционализации. Очевидным остается то, что будущая система глобального управления будет полисубъектной и не сможет ограничиваться лишь межгосударственными институтами. Процесс включения в качестве субъектов глобального управления новых игроков – бизнеса, гражданского общества, международных неправительственных некоммерческих структур – уже происходит и будет еще более активным в будущем. Поможет ли эта новая полисубъектность сделать систему глобального управления как процесс формирования консенсуса и выработки норм и правил «мирового общежития» более сильной и успешной, покажет время.

¹⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). Официальный сайт МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 02.12.2024).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авдеева Э.А., Акимов А.В., Алексеева С.А. Современная система международных экономических отношений: между глобализацией и фрагментацией. М.: КноРус, 2025. 218 с.
2. Алешина А.А., Баронина Ю.А., Борисова А.Р. Глобальное управление: кризис или трансформация? М.: ИМЭМО РАН. 2021. 225 с.
3. Борисова А., Войтоловский Ф., Журавлева В. Подходы России и США к проблемам глобального управления и реформированию ООН. Пути к миру и безопасности // Сборник ИМЭМО РАН. 2016. № 1 (50). С. 7-23.
4. Булатов А.С. Новые тренды в движении капитала в мире и России // Вопросы экономики. 2023. № 9. С. 65-83. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-9-65-83.
5. Булатов А.С., Галищева Н.В., Кузнецов А.В. Россия в международном движении капитала в 2021 – начале 2023 года: аналитический доклад. М.: МГИМО-Университет. 2024. 124 с.
6. Зайцев С.Ю. Деятельность ТНК в политической сфере: современные тенденции и влияние на концепты власти, легитимности и суверенитета // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2023. № 15 (2). С. 35-64. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-35-64.
7. Лебедева М.М., Харкевич М.В., Касаткин П.И. Глобальное управление. М.: МГИМО-Университет. 2013. 220 с.
8. Малышев Д.В. ШОС и БРИКС в условиях становления многополярного мирового порядка // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2024. № 16 (2). С. 9-31. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-9-31.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ. 2024. 640 с.
10. Юдин Н.В., Бартенев В.И. Мировая политика XXI века: долгосрочные тенденции, новые вызовы, свежий взгляд. Сборник статей по материалам секции «Мировая политика» XXII и XXIII сессий Международной научной конференции «Ломоносов». М.: Издательство Московского университета. 2017. 200 с.

CRISIS OF THE GLOBAL GOVERNANCE SYSTEM

T.G. Leonova

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of International Economic Relations and Foreign Economic Affairs, Senior Lecturer at the Department of Media Policy and Public Relations of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia
e-mail: t.leonova@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-2827-0646

Abstract. The article is devoted to the ontological analysis of conceptual and systemic-conceptual aspects, as well as the political-institutional challenges of global governance, which collectively create the preconditions for a systemic crisis while simultaneously laying the groundwork for its transformation and improvement. The author emphasises the crucial function of global governance as a process of fostering consensus among its participants to develop approaches and pathways for mutually acceptable solutions to global and regional issues that transcend national borders and require collective efforts to address. The article examines the role of international business in contemporary global processes, highlighting the intensification of its social and charitable activities, the rise of its political engagement, and new trends in international capital flows. At the same time, it is noted that, despite the significant economic and growing political role of international business in the global agenda, there is currently insufficient evidence to claim that it has become a full-fledged actor in global governance alongside sovereign states. Based on an analysis of the current crisis in the global governance system against the backdrop of tectonic shifts in world politics, the author concludes that the active inclusion of new actors and partners in global governance – such as businesses, civil society, and international non-governmental non-profit organisations – is leading to the creation of a more flexible, multi-actor, and less hierarchical global governance system.

Keywords: global governance, globalisation, globalism, international organisations and institutions, international business.

Submitted: December 02, 2024

UDC 338.24

Accepted: January 20, 2025

DOI: 10.24833/2949-639X-2025-1-11-34-52

REFERENCES:

1. Avdeeva Je.A., Akimov A.V., Alekseeva S.A. *Sovremennaja sistema mezhdunarodnyh jekonomicheskikh otnoshenij: mezhdunarodnaja globalizacija i fragmentacija* [The Modern System of International Economic Relations: between Globalization and Fragmentation]. Moscow, KnoRus, 2025, 218 p. (In Russ.).
2. Aleshina A.A., Baronina Ju.A., Borisova A.R. *Global'noe upravlenie: krizis ili transformacija?* [Global Governance: Crisis or Transformation?]. Moscow, IMJeMO RAN, 2021, 225 p. (In Russ.).
3. Borisova A., Vojtlovskij F., Zhuravleva V. Podhody Rossii i SShA k problemam global'nogo upravlenija i reformirovaniju OON. Puti k miru i bezopasnosti [The Approaches of Russia and the United States to the Problems of Global Governance and UN Reform. Paths to Peace and Security]. *Sbornik IMJeMO RAN* [Collection of the RAS], 2016, no. 1 (50), pp. 7-23. (In Russ.).
4. Bulatov A.S. Novye trendy v dvizhenii kapitala v mire i Rossii [New Trends in Capital Flows in the World and Russia]. *Voprosy jekonomiki* [Economic issues], 2023. no. 9, pp. 65-83. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-9-65-83. (In Russ.).
5. Bulatov A.S., Galishheva N.V., Kuznecov A.V. *Rossija v mezhdunarodnom dvizhenii kapitala v 2021 – nachale 2023 goda: analiticheskij doklad* [Russia in the International Capital Movement in 2021 – Early 2023: Analytical Report]. Moscow, MGIMO-Universitet, 2024, 124 p. (In Russ.).

6. Zajcev S.Ju. Dejatel'nost' TNK v politicheskoj sfere: sovremennye tendencii i vlijanie na koncepty vlasti, legitimnosti i suvereniteta [TNCs' Activities in the Political Sphere: Current Trends and Impact on the Concepts of Power, Legitimacy and Sovereignty]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija XXV. Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika* [Bulletin of the Moscow University. XXV Series. International Relations and World Politics], 2023, no. 15 (2), pp. 35-64. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-35-64. (In Russ.).
7. Lebedeva M.M., Harkevich M.V., Kasatkin P.I. *Global'noe upravlenie* [Global Governance]. Moscow, MGIMO-Universitet, 2013, 220 p. (In Russ.).
8. Malyshev D.V. ShOS i BRIKS v uslovijah stanovlenija mnogopoljarnogo mirovogo porjadka [The SCO and BRICS in the Context of the Emergence of a Multipolar World Order]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija XXV. Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika* [Bulletin of the Moscow University. XXV Series. International Relations and World Politics], 2024, no. 16 (2), pp. 9-31. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-9-31. (In Russ.).
9. Hantington S. *Stolknovenie civilizacij* [Clash of Civilizatiois]. Moscow, Izdatel'stvo AST, 2024, 640 p. (In Russ.).
10. Judin N.V., Bartenev V.I. *Mirovaja politika XXI veka: dolgosrochnye tendencii, novye vyzovy, svezhij vzgljad. Sbornik statej po materialam sekcii «Mirovaja politika» XXII i XXIII sessij Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Lomonosov»* [World Politics of the 21st Century: Long-term Trends, New Challenges, a Fresh Look. Collection of Articles Based on the Materials of the «World Politics» Section of the XXII and XXIII Sessions of the International Scientific Conference «Lomonosov»]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2017, 200 p. (In Russ.).